Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Перевод с польского и подбор иллюстраций
Н. А. Папчинской

Научное издание

◆

**Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000**

ŋqdbqɏeɎ bɆ dedɆbɎɜə d ɕɔɑbɔɏ ɈqddɎqɏè

ББК Т3(0)323
УДК 937

Основатель и руководитель серии:
О. Л. Абышко

Ф. Ф. Зелинский (1859–1944) — выдающийся русский ученый и популяризатор классического наследия, профессор в Санкт-Петербурге (1887–1920), в Варшаве (1921–1935), член многих Академий наук (Баварской, Британской, Парижской и проч.), почетный доктор Оксфорда, Афин, автор более 800 работ на русском, польском и немецких языках, в том числе многотомных циклов «Античный мир» и «Религии античного мира».

В предлагаемой работе автор впервые в хронологическое повествование включает библейские легенды наряду с историческими и литературными источниками. «Религия — сердце культуры» — по мнению автора, и поэтому история христианства не может быть исключена из общей истории античности. Автор привлекает не только тщательно исследованные источники и многочисленные гипотезы о возникновении Рима, но пытается понять, «что сами римляне знали и думали о своем прошлом, что говорили о нем, как оценивали и как понимали его». Именно под таким углом Ф. Ф. Зелинский использует работы известных историков — Ливия, Тацита, Светония, Плутарха. Ученый-моралист идет вслед за Тацитом — изучает все возможные материалы — без гнева и пристрастия, чтобы из всех факторов, составляющих античность, выбрать те, которые «могут стать семенем для оплодотворения современного разума». Живость, непосредственность изложения, коммуникативность повествования, приближение к современному читателю, приглашение участвовать в данных событиях и их осмысление — эти черты делают книгу интересной не только для узкого круга специалистов, но и для всех читателей.

Книга прекрасно иллюстрирована.

На русском языке публикуется впервые. Перевод осуществлен с издания: *Tadeusz Zieliński*. Cesarstwo Rzymskie. Warszawa. PIW. 1995.

ISBN 5-89329-071-2

9 785893 290714

© Издательство «Алетейя» (Санкт-Петербург) — 1999 г.
© Н. А. Папчинская, перевод с польского, подбор иллюстраций — 1999 г.

ŋqdbqɏeɎ bɆ dedɆbɎɜə d ɕɔɑbɔɏ ɈqddɎqɏè

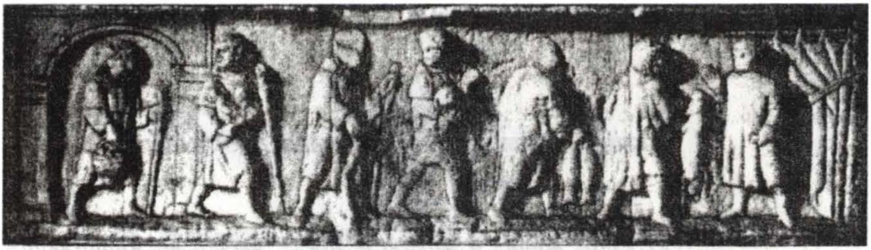
«Цезарь вошел в курию и занял место на куриальном кресле; другого консула, Антония, один из заговорщиков задержал за дверями курии. Тиллий Цимбр, как было условлено, бросился к ногам сидевшего Цезаря, словно хотел просить о помиловании своего брата; остальные заговорщики окружили диктатора, делая вид, что поддерживают просьбу Цимбра. Разгневанный Цезарь встал с кресла и движением руки приказал отойти от него. Тогда Цимбр схватил его за тогу, она упала с плеч и обнажила грудь под туникой. Это был условный знак; в ту же минуту все выхватили спрятанные под одеждой кинжалы. Каска первым вонзил кинжал в спину Цезаря, его примеру последовали остальные. Цезарь со стоном упал перед статуей Помпея, основателя курии, словно искал защиты у своего врага. И вот он увидел перед собой Брута с поднятым кинжалом.

— И ты с ними, мой Брут?..

Это были его последние слова».

Так заканчивается «Римская республика», третья после «Сказочного античного мира» и «Независимой Греции» часть цикла «Античный мир» Фаддея Францевича Зелинского.

ŋqqbqɐʎ bƎ dɐdƎbʎɜɐ d ɐɔɐbɔʎ ɟqqbʎqɐè



МЕССИЯ

1. Месть за Цезаря

Погиб человек, воплощавший всю мощь Римского государства и внутри, и за пределами огромной империи; тот, кого Сивилла назначила стать победителем давнего врага — Парфии, обещая в награду за победу: Риму — спасение и вечное господство, ему самому — царский венец. Но что будет теперь? Какая из противостоящих идей восторжествует: возвращение к прежней Республике или Империя? Ведь монархическая идея не умерла вместе с тем, кто был ее живым воплощением, она могла жить и дальше в лице его преемника?!

То обстоятельство, что история уже дала ответ на этот вопрос и что ответ известен, не дает нам права быть несправедливыми по отношению к тем, кто ответа еще не знал, и для которых будущее в своей загадочности было полно заманчивых, хотя и иллюзорных надежд. Та прежняя, славная Республика, Республика Сципионов, Метеллов, Катонов существовала совсем недавно, в 50 году (до н. э.),[1] до развязывания Второй гражданской войны, еще до того, как «тиран» нанес ей три смертельных удара на полях Фарсала, Тапса и Мунды; ведь ее хорошо знали тогдашние магистры, сенаторы и весь римский народ, populus Romanus Quirites;* и если им

---

[1] Все даты, указанные в разделах до главы «Цезарь Август» — до н. э. (Здесь и далее подобным образом обозначены примечания польского издателя).

* Populus Romanus Quirites — почетно-торжественное наименование римского народа. (Здесь и далее подобным образом обозначены примечания переводчика).

ŋqqbqɐʎ bƎ dɐdƎbʎɜɐ d ɐɔɐbɔʎ ɟqqbʎqɐè

крикнуть: «Вы обрели вновь всю полноту своей прежней власти; тот, кто забрал ее у вас, — мертв!» — Неужто никто не откликнется?

Но именно так и произошло. После кровавого акта заговорщиков в сенате наступила гробовая тишина. Сенаторы один за другим покинули свои места и разошлись по домам. Это был зловещий знак; оставшиеся в одиночестве заговорщики вынуждены были пока что заботиться о своей безопасности. Совсем рядом, в театре Помпея, в тот день (мартовские иды были праздником Анны Перенны, древней богини Нового года)[1] происходили бои гладиаторов; разумеется, они были прерваны после известия об убийстве диктатора, и гладиаторы, избавленные от грозящей им смерти, с легкостью были завербованы заговорщиками. Под эскортом такой, скорее позорной, нежели почетной охраны направились заговорщики на Капитолий, якобы для приношения богам благодарственной жертвы, в сущности же, чтобы иметь, — как многократно бывало и в прошлом и потом — пристанище для своих дальнейших действий. Так плачевно для них закончился пророческий день мартовских ид.

Наступила ночь; воспользуемся ею, чтобы осмотреться вокруг в тогдашнем Риме и оценить шансы сражающихся лагерей, республиканцев и цезаристов.

Начнем с магистратуры. Коллегой убитого Цезаря среди консулов был Марк Антоний (младше Цезаря на 18 лет); теперь, после смерти диктатора, он, согласно республиканской традиции, был бесспорным главой государства. Но единственный ли? На время намеченного парфянского похода Цезарь назначил двадцатипятилетнего Публия Корнелия Долабеллу, бывшего зятя Цицерона, своим заместителем, или преемником в магистратуре; права Публия, с точки зрения республиканской традиции, были достаточно сомнительны: поначалу он угождал республиканцам, а потом присоединился к партии цезаристов. Его в расчет не брали. Среди восьми преторов были оба убийцы Цезаря, Брут и Кассий, а также Гай Антоний, брат консула; второй его брат, Луций, был одним из десяти народных трибунов. Из всего видно, что состав и настроение магистратуры были далеки от единства.

---

[1] Анна Перенна, древняя италийская богиня Нового года. В ее честь римляне устраивали ежегодно 15 марта народное празднество. В самом древнем римском календаре год начинался с марта, что сохранилось в названиях последних четырех месяцев года — сентябрь («семерка»), октябрь, ноябрь и декабрь.

ȵqdqɏeɎ bɆ dәdɆbɎзә d ɕɔɑɓɔɏ ɈqqdɎqɏè

Из бывших членов магистратуры следует назвать двоих убийц Цезаря: Децима Брута, члена того же рода, но не родственника Марка Брута, претора 49 г., а также Гая Требония, бывшего год назад консулом. Этим двум в грядущем году были определены провинции: Бруту — Цизальпийская Галлия, Требонию — Азия (т. н. передняя часть Малой Азии). Однако наиболее важной фигурой в государстве, и пока что второй после Марка Антония, был консул 46 года Марк Эмилий Лепид, назначенный Цезарем наместником Трансальпинской Галлии. Поэтому Лепид получил от диктатора поручение навербовать новый легион в Риме для своей провинции. Этот легион был расквартирован на островах Тибра; таким образом Лепид оказался единственным человеком в Риме, который имел свое собственное войско, правда немногочисленное, но вполне достаточное, чтобы держать в руках безоружный город. Следовательно, он был сильнее всех, даже главы государства Марка Антония.

Да, возможно; однако последний был выше Лепида и по таланту, и по способности использовать ситуацию. В тот же день мартовских ид, когда заговорщики под охраной своих гладиаторов совещались в Капитолии, а Лепид прятался у своих солдат от воображаемых кинжалов убийц Цезаря, Антоний, со свойственной ему смелостью направился в храм богини Опс (Она) на Форуме, где тогда хранилась государственная казна. В ней находилось почти четверть миллиарда злотых.[1] Мало того, он отправился к Кальпурнии, вдове диктатора, и уговорил отдать ему, лучшему другу ее супруга, те четыре тысячи талантов, которые были личной собственностью убитого, и, что не менее важно — записную книжку Цезаря с перечнем еще не объявленных декретов, известных в дальнейшем как acta Caesaris. Такова была осязаемая жатва Антония в тот памятный день.

На следующий день заговорщики решили обратиться к народу. С небольшим эскортом, что свидетельствовало об их личной отваге, Брут и Кассий спустились с Капитолия на Форум. Здесь, на освященном республиканской традицией месте, предстояло решить, оставаться ли Риму и дальше республикой, или же сменить свой исторический строй на какой-либо другой. Однако Брут, имевший право выступить первым, не был оратором. Мы знаем примеры

---

[1] «Четверть миллиарда злотых» — речь идет о довоенных злотых. Для сравнения: по данным «Малого статистического справочника», в 1938 г. государственные запасы Польши исчислялись в 435 млн злотых.

ȵqdqɏeɎ bɆ dәdɆbɎзә d ɕɔɑɓɔɏ ɈqqdɎqɏè

ŋqdbɏeɎ bɆ dədɆbɎзə b ɕɔɑbɔɏ Ɉqdbɏqɏè

его красноречия из полемики с Цицероном — они не могли вызвать вдохновение римских слушателей. Что с того, что он говорил им о возрождении Республики, что вызвал из могилы тень своего якобы предка, который, изгнав из Рима Тарквиниев, обеспечил этому городу свободу: это были призраки прошлого. А настоящее — тело убитого героя, перенесенное верными слугами в его дом и ожидающее погребения; это его друг Лепид, почувствовавший себя в безопасности среди своих солдат и наконец заговоривший: он первым произнес клич, которому предстояло погрузить римский мир в новую кровавую бездну — призыв: «Месть за Цезаря!»

Это было второе поражение заговорщиков: после сената — народ. Они могли быть счастливы, что им позволили вернуться на Капитолий, что, конечно, свидетельствовало о дисциплинированности граждан и сохранении уважения к обоим преторам. Надо было договориться с теми, кто владел реальной силой, Антонием и Лепидом. Заседание сената? Да, состоится на следующий день, 17 марта, в праздник либералий,* в храме Земли (Теллус) на Марсовом поле; но — без заговорщиков. Это значило — отдать сенат в руки сторонников Цезаря, тем более, что Лепид со своими солдатами занял все ведущие к храму улицы, вовсе не считаясь с тем, что нарушает республиканские традиции. Так бы и произошло, если бы не присутствие на заседании сената одного человека — Цицерона.

Этот ниспосланный самой судьбой человек, со времен своей победы над Катилиной,[1] «отец отчизны», давно был готов уйти из политической жизни. Смерть любимой дочери в 45 г. окончательно его подавила; с другой стороны, он не видел для себя места в Республике, управляемой Цезарем. Цицерон целиком посвятил себя изучению философии и самые обильные и наиболее ценные для потомков результаты этой работы были созданы в эпоху диктатуры Цезаря. На заседания сената он почти не приходил. Не было его также и на том роковом, ставшем свидетелем убийства

---

[1] Луций Сергий Катилина — политический авантюрист, автор нескольких заговоров; в период консульства Цицерона, в 63 г. до н. э., предпринял попытку государственного переворота, но был разоблачен Цицероном; последний получил от сената почетный титул «отца отчизны» — pater patriae.

* Либералии — праздник в честь бога виноделия в Древней Италии — Либера (Диониса) и Либеры (Персефоны) — 17 марта.

ŋqdbɏeɎ bɆ dədɆbɎзə b ɕɔɑbɔɏ Ɉqdbɏqɏè

ŋɑbbɑyeY bÆ debÆbYɜe b ecɑbcɑy Jɑbbɑyɑè

диктатора заседании. Заговорщики не посвятили Цицерона в свои планы, хорошо понимая, что не получат его согласия; однако, после убийства, подняв вверх кинжалы, они громко произнесли его имя, давая понять, что пролитую во имя свободы кровь посвящают ему.

И Цицерон пришел. Само его присутствие в курии ободрило сенаторов, несмотря на то, что среди них было немало таких, которые именно Цезарю были обязаны сенаторской должностью. Открыл заседание, разумеется, консул Антоний; с кислым видом он увидел около себя на курияльном кресле* Долабеллу, но протестовать было нелегко: тот был назначен Цезарем. Во время дискуссии оказалось, что большинство сенаторов на стороне заговорщиков и Антонию вряд ли удастся от имени Республики стать преемником убитого. Значит, следовало признать недействительными все распоряжения Цезаря, а это грозило непредсказуемыми последствиями: одно из таких распоряжений касалось ветеранов войн Цезаря, они должны были получить участки плодородных земель округа Капуи. Вопрос еще не был соответствующим образом разработан, но ветераны, почувствовав опасность, в достаточно внушительном количестве прибыли в Рим и были готовы в случае чего силой заставить уважать свои права. Наряду с рекрутами Лепида, это была еще одна реальная сила, вторая и далеко не безопасная. С этим следовало считаться.

В такой ситуации Цицерон нашел единственный спасительный выход. Его предложение содержало два пункта. Первый — гарантировал безнаказанность участникам покушения: здесь Цицерон впервые в Риме употребил греческое слово амнистия, которое собственно обозначает «предание забвению»; второй — оставлял в силе распоряжения Цезаря. Такое компромиссное предложение получило большинство голосов и позднее Цицерон мог гордиться тем, что именно он «в храме Земли заложил основы общественного мира».

Однако такое решение, необходимое в тех условиях, содержало в себе и противоречие. Цезарь либо был тираном, либо нет. Если не был, то заговорщики совершили политическое убийство, пролив кровь самого высокого государственного сановника, и они не подлежали амнистии. Если же убитый был тираном, то сенат, называя его таковым, тем самым признавал недействительными все его

---

* Куриальное кресло — особое должностное кресло для консулов, преторов и эдилов.

ŋɑbbɑyeY bÆ debÆbYɜe b ecɑbcɑy Jɑbbɑyɑè

ŋqdbɏeɎ bɆ dədɆbɎзə d ɕɔɑbɔɏ Ɉqdbɏqɏè

распоряжения. Такое противоречие было следствием компромиссного характера соглашения и с этим приходилось мириться; хуже было другое обстоятельство, грозившее практическими последствиями. Сенат огулом подтвердил распоряжения диктатора, не установив срока исполнения; это были те acta Caesaris, которые находились в архиве диктатора, оказавшиеся теперь в руках Антония. И вот, один за другим начали появляться на свет распоряжения покойника, касающиеся то государственных вопросов, то отдельных лиц; появились, между прочим, и назначения новых сенаторов, которых стали язвительно называть «замогильными», orcini.[1] Слишком поздно сенат понял, что в тот день, 17 марта, он не догадался ограничить срок действия «актов Цезаря» периодом мартовских ид; сенат решил исправить это упущение, назначив наблюдательный комитет для контроля подлинности этих актов; в ответ на такое, столь оскорбительное решение, Антоний предложил закон, который без труда провел на руководимом ветеранами народном собрании; согласно этому закону обращение к наблюдательному комитету зависело от доброй воли самого Антония — и все пошло по-старому.

Впрочем, своеобразное разрешение спора об acta Caesaris имело место лишь в июне; но сначала произошли события, о которых невозможно промолчать.

Прежде всего — похороны диктатора 20 марта. Они должны были происходить на Марсовом поле; согласно римскому обычаю, до погребения самый близкий соратник произносил речь на Форуме в честь умершего. Разумеется, эта роль выпала Антонию. Читая в источниках о последствиях его выступления, приходится горько сожалеть, что оно не сохранилось... Впрочем, так уж ничего не сохранилось?! Этого сказать нельзя: его интуитивно передал гений Шекспира в своей трагедии «Юлий Цезарь». Антоний прочитал народу завещание умершего, согласно которому каждый гражданин получал по триста сестерциев, личные сады Цезаря над Тибром отдавались в общественное пользование. Антоний прибегнул и к другим средствам, чтобы воздействовать на воображение и настроение собравшихся: он повелел разложить на трибуне забрызганную кровью тунику убитого, а лежащая рядом восковая фигура демонстрировала всем «двадцать три раны», от которых погиб Цезарь.

---

[1] Orcini — от имени Орк (греч. Аид), древнего бога подземного царства, владыки мертвых; название «замогильные» приводит Светоний в биографии Августа (Божественный Август, 35).

ŋqdbɏeɎ bɆ dədɆbɎзə d ɕɔɑbɔɏ Ɉqdbɏqɏè

Цель была достигнута в полном объеме. Итак, заговорщики убили благодетеля народа! И вот ярость народа обратилась против них. Правда, Брут и Кассий имели военную силу, чтобы защитить свои дома; но дом другого заговорщика, Бельена, сгорел, подожженный толпой, а поэт Гельвий Цинна, тезка, но даже не родственник заговорщика Корнелия Цинны, был зверски растерзан. Воспользоваться таким настроением черни вознамерился некий самозванец, который еще при жизни диктатора выдавал себя за сына Мария Младшего и внука победителя Югурты и кимвров;[1] тогда он приобрел такую популярность, что Цезарь вынужден был удалить его из Рима. Теперь этот человек вернулся и решил нажиться на популярности своего бывшего гонителя, бросив — во второй раз! — в толпу клич: «Месть за Цезаря!» Но Антоний, которому этот непрошенный союзник, или соперник, совсем был некстати, легко с ним расправился: уверенный в поддержке народа, он приказал псевдо-Мария отправить в тюрьму и там задушить.

После погребения Цезаря заговорщикам стало ясно, что в Риме они окончательно теряют почву под ногами: многочисленные ветераны заполняли Форум, месть, которая не удалась 20 марта, могла повториться в любой день и с бо́льшим успехом. Брут и Кассий покинули Рим и направились в недалекое имение Брута. Пока что они там были в безопасности, а что делать дальше? Не потерял голову Брут Децим: по воле Цезаря он был наместником Цизальпинской Галлии, а acta Caesaris, по желанию самого Антония, были подтверждены сенатом на заседании 17 марта. Децим отправился в свою провинцию и принял командование легионами. Для Антония это был весьма чувствительный удар: Цизальпинская Галлия была самой близкой к Италии провинцией, и ее легионы «висели» над страной, словно грозовая туча. Именно оттуда всего пять лет назад Цезарь начал свой победоносный поход, в результате которого Рим оказался полностью в его руках. Что будет, если по его примеру и Брут захочет перейти Рубикон? Пока, правда, особой опасности нет, но кто мог знать, что принесут ближайшие дни?

---

[1] Гай Марий (156–86 гг. до н. э.) — выдающийся полководец и политик периода гражданских войн, возглавлял противников оптиматов; вождь популяров; в 106 г. одержал победу над царем Нумидии Югуртой, в 101 г. разгромил кимвров при Верцеллах. Его сын, Марий Младший, продолжал политическое дело отца и погиб в 82 г. в войне с его противником, Суллой.